

Рп
26485

№14
се

Александр Яшин

МАТЬ

Гослитиздат. 1940

Александр Яшин

МАТЬ

Поэма

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Художественная литература“
МОСКВА 1943

*Елене Христофоровне
Первенцевой*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неслышно в лето перешла весна.
В аудиториях запахло сеном.
Не занимались.
Ждали перемены.
У самого окна шумит сосна.
Такая над рекой голубизна,
Что, кажется, просвечивают стены.

Проголубели камни, этажи...
Уж выводки грачей
Галдят над садом.
За город вырваться...
Хотя бы на день.
А тут сиди...
Зачеты... чертежи.
И заполняли — в ряд —
Суслоны ржи
Узкополосые поля тетрадей.

Желанья разные —
Кому куда
Хотелось выехать.
Страна богата.
А надо все самим узнать ребятам.
И вот рвались в большие города,
К морям —
Ужели небо да вода?
В леса, к горам —
Ужель земля горбата?

Василий получил последний «вуд»,
И что-то вдруг напомнило дожинку¹
Последний сноп.
Теперь бы квасу кринку
Иль молока...
У всех какой-то зуд
На путешествия.
Вот и его зовут.
Взять котелок,
Да сухарей корзинку,

Хлеб, лески...
Лодку... Парус... И в поход
Как в песне — по теченью,
К устью Юга,
В Устюг Великий,
В вычегодский угол...

Но тянет к матери.
Уж третий год
Он не видал ее,
И, верно, ждет,
Ждет не дождется мать
Сынка и друга.

¹ От слова дожинать, — окончание жатвы

Всегда больная,
В холщевом платке,
В заплатах расшитом сарафане,
Работала она от росной рани
До звезд полуночных.
И перед кем
Не гнулась в три погибели,
Пред кем
Не плакалась?
Спала в чуланах,
В бане...

Искала счастья.
Где его нашли?
Состарилась под окнами чужими.
На кличку только отзывалась.
Имя
Свое забыла.
Все в роду блюли
Закон:
Не поклонившись до земли,
Поганки, мухомора не подымешь.

Когда кончалась страдная пора,
Топить нещадно начинали печи,
И пробиваться маме было нечем —
Они ходили вместе по дворам
И вместе жили,
Вместе спали там,
Где заставляли их
Пурга иль вечер.

И он, Васек, Васютенька
Ей был
И утешеньем в жизни
И надежей,

Что вырастет
И матери поможет,
Не сглазили бы лишь его судьбы...
Порой на печке
У чужой трубы
Она молилась богу:

Дай ты, боже,
Чтоб хоть Васюту жизнь поберегла,
Ведь все по-новому пошло недаром:
При новой власти можно комиссаром,
А можно стать наставником¹,
Дела
Шли по-людски б.
Она бы зажила,
Корову бы доила да пряла,
Ткала бы да возилась с самоваром.

В деревне школы не было —
Сама
Она ходила в город,
Хлопотала...
Но увезли сына в детдом,
И мать
Одна
Еще сильней затосковала.
Сын, правда, стал учиться,
Да ведь мало ль...
К добру ли?..
Да пробьется ли?..
Как знать...

Василий рано начал понимать,
О чем она скорбела
И вздыхала.

¹ Учителем.

Из милостыни лучшие куски
Он для нее откладывал, бывало,
А их скоплялось в праздники немало.
Мать то же делала.
Не велики
Утехи были их,
Но и таких
Теперь, наверно, ей не доставало.

И вот он вынул вещевого мешок,
Ногой втокнул под койку сундучишко,
На подбородке пощипал пушок,
Вздыхнул...
Зубную щетку, порошок
В карман сложил.
— Ну, Витя!
Что еще?
Кажись, готов...
Да что ты горячишься?!

Виталий — однокашник,
Первый друг
И в техникуме,
И по общежитью —
Сидел на койке
Бирюком-бирюк,
Зло хмурился
И зло глядел вокруг...
Но чем Василий мог обидеть Витю?

По-юношески худошав и тих,
Он сам, казалось, всеми был обижен:
Застенчив, мягок —
Мало ли таких?
Товарищи его
Среди своих
И в шутку и не в шутку звали рыжим.

Но кто, по-правде, парня не любил
За нежную
Отзывчивую душу?
Он чтит поэтов,
Сам поэтом был:
Бывало, в ночь, что всех темней и глуше,
Он берегом за город уходил
И шум воды
И шопот сосен слушать.
Виталий же —
Тот был немножко суше,

Не так доверчив
И не простоват —
Взрослее,
Осмотрительней и тверже,
Смотрел на небо и на землю строже;
Василию он был, как старший брат:
Он больше пережил,
Хоть меньше прожил.

Решительный,
Прямой не по годам,
К чужим попавший чуть ли не в пеленках,
Напоминал Виталий иногда
До срока выпавшего из гнезда
Драчливого,
Лихого ястребенка.

Но, видно, им друзьями быть —
Рука,
Судачили порой до часу ночи,
До двух,
И спорили нередко, впрочем...
И вот сейчас повздорили слегка;
Василий думал:

«Из-за пустяка»,
Виталий:
«На принципиальной почве».

От матери шли письма редко.
Мать
В последний раз писала,
Что на свете
Еще есть бог,
Что бог ее заметил
И что теперь ей нечего желать:
Старик, к которому ходила жать,
Вдовец Михайло,
Честь по чести взять
Решил ее в хозяйки.
Сам приветил.

Что у нее теперь есть свой домик —
Весь двор мычит утрами
И кудахчет,
Она уже не просит,
Не батрачит,
Жизнь муторная кончилась,
Сынок
Теперь вернуться к матери бы мог,
О нем лишь об одном она и плачет.

И вот Виталий порешил:
Ему
Игги нельзя к ней —
Мать кулачкой стала..
Василий же об этом думал мало.
Батрачит, верно, как и встарь,
Суму
Таскает и завидует всему..
Мать и... кулачка..»

Как-то не вязалось.
К лицу ли это ей...
Да и к тому ж
Видней все будет после,
На дому.
Сейчас его не это занимало.

Мальчишества беззлобная пора!
Как нас ни унижали,
Как ни били,
Мы все перезабыли,
Все простили,
Когда в былое отошло *вчера*,
Остались в памяти лишь *вечера*,
Когда мы рыбу на реке ловили,
Да смех и шум в полях,
Да запах трав,
Да лес,
В который по грибы ходили.

Об этих днях нельзя не тосковать.
Ноздрястый хлеб
В мешок кладет Василий.
Осматривает лямки —
Хороши ли.

Но Витю вот никак не уломать.
Чуть не кричит:
— Пора уж понимать:
Теперь тебе она плохая мать...
В детдоме жили мы с тобою?
Жили!

Дружили, спрашиваю?
Еще как!
К кому ж, спрошу, теперь идешь?

Подумал?
С кем думаешь родню водить,
Подумал?!
Чтобы тебя, как гостя,
Встретил враг,
Чтобы с тобой беседовал кулак!..
Спать думаешь под крышей толстосума?!

Он так осип,
Что даже забасил.
Его Василий не хотел обидеть,
По-дружески с собою пригласил
На лето,
К ягодам в леса на выдел.
Не знает Витя даме, чей он сын —
В детдом был взят голодным и босым
От белых,
Как зайчонок с полосы —
Ни разу матери своей не видел.

И не кричал бы, коли так.
И мать
Блинов и шанег напекла б обоим.
Была бы рада...
Связь порвать?
Пустое!
Мать позабыть,
Что родину предать...
— Пойдем, Виталий!
Будем отдыхать.
С парнями вечер на селе устроим.

Мы возмужали,
Выросли сейчас,
А так же вот когда-то лепетали,

Но были мяты,
Трепаны не раз.
Жизнь
Мудрости военной учит нас,
Чтоб шли вперед, не опуская глаз,
И, падая, глаза не закрывали б.

Виталий даже не подал руки...
Каким он стал в плечах широким,
Дюжим!
Ну, не пошел
(А жалко!) —
И не нужен.

За печкой вновь зачиркали сверчки.
Грачи над рвом,
Над садом у реки,
Над опустевшим техникумом кружат.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Каким большим он видел этот лес,
Какой широкой представлялась пашня,
Где столько всяких тайн,
Во рву укромных мест,
Где было все живым,
И все полно чудес,
Где все звало,
И все казалось страшным.

За кузницей овраг.
В овраге — вереск.
Там
Ютились ведьмы, оборотни, звери...
Какие? — кто видал?
Судили по следам,
По запахам болот.
Он верил всем богам,
Всем шорохам ночным,
Ветрам и сказкам верил.

Как раньше, верещат над крышами скворцы.
С ветвей рябин
Свисает паутинка.
Ребята рвут на грядках огурцы
Незрелые —
В пупырышках, в ворсинках.

Все режет взгляд до слез.
Вон здесь,
Под тем окном
Стоял он, милостыни ожидая.

Но вот пришел и рад,
И так светло кругом...
О, детство незлобивое!
Все дом!
Все отчий край!
Все сторона родная!

Поэзия без края, без конца...

Василий шел деревней, как в тумане.
Спустился под гору.
Последний дом с конца...
С ведром сходила женщина с крыльца
В узорчатом широком сарафане.

И он застыл, боясь ее узнать, —
Истосковавшись,
Он не верил встрече.
Он бросился к колодцу:
— Мама! Мать!
И стал ее, краснея, целовать
И обнимать ее сухие плечи.

Ведро с руки слетело и, стуча,
Гремя о камни, покатилося в яму,
Где хрюкали три жирные хрыча.
И вот уж собралась толпа девчат
И баб невпроворот,
И все кричат,
И все галдят и хлопают руками.

— Вот повезло:
Сама вон привилась
К готовому,
И парень вышел в люди!

Огрена гостя за руку взяла
И мимо баб в хоромы провела,
Как будто золото несла на блюде.

— Входи, Васютенька, входи, сынок!
К себе идешь.
Вот явится родитель...
Все животы,
Весь этот теремок
Никто как бог,
Никто как муженек,
Радетель наш построил,
Вызволитель.

Смахнула кофточкою слезы, пот
И усадила сына в красный угол.
— Поверишь ли,
Графинюшкой зовет...
А уж тебя, бывало, ждет-пождет:
«Сын у меня, грит,
Коммунист в округе!»

Взглянул Василий матери в глаза:
Как постарела,
Сжалась,
Исхудала.
Но что-то светится в ее глазах
Не прежнее,
Заносчивость в глазах.
— Здорова ль, мамонька?..

А с год назад
Огрена у Михайла поле жала.

Он оловел, Михайло.

(Почему?)

То, верно, богу даже неизвестно.)

«А как тут, — говорил он, —

Одному

Прожить с твердозаданьем,

Коли жмут:

Несправедливо, понасердью¹ жмут:

Хлеб не сдал — штраф,

Не вышел в лес — в тюрьму,

Ну, прямо — перекинь на горб суму

И в мир иди.

Но в мире тоже тесно».

Богатством был он не из матерых —

Имел — ну, дом...

Ну, пять коров...

Ну, лошадь...

Слыл в людях обхождением хорошим,

Сноровкой лисьей,

Обожал, кто лих

На пашне,

Сам работал за троих

И батраков держал двух-трех,

Не больше.

В году двадцатом

В бане за двором

Домашнюю устроил мыловарню.

За обученье знающему парню

Платил лежалым царским серебром,

За мыло хлебом брал,

И крепнул дом.

До двадцать третьего

Все шло куда с добром,

¹ Из личной неприязни, с сердца, злобясь.

Но донесли,
И он, захлопнув баню,

Подался в волость,
Продавцом служить.
Усушка выявилась —
Он в контору,
Утечка обнаружилась —
Он скоро
В деревню выехал.
И так вот жил...
Пил только за компанию,
Дружил
Лишь с городом.
И шел тихонько в гору.

Когда же беднота его взяла
За ворот —
Надо было примениться
И к ней,
И хоть жена не рукавица, —
Все ж овдовел он:
Баба умерла,
Чтоб мог Михайло заново жениться
На самой худородной из села.

Огрена ж сразу словно ожила:
Как было ей на брак не согласиться!

Не счесть, сколь вымыла она полов
И синяков на теле износила,
Овинов сколько ржи измолотила
И сколько скотных обошла дворов,
Каких мастей,
Каких пород коров

Не гладила,
Не мыла,
Не доила,

А ни единой кринки молока
Себе не надоила,
Хоть дрожала
Над каждой каплей,
Годы обряжалась,
Телят выхаживала —
Ни телка
Себе,
А сколько жала —
Под бока
Себе
Снопа соломы не нажала.

И вдруг такая с неба благодать,
Такая вдруг удача привалила...
Огрена для приличья погрустила,
И согласилась...
Сыну написать
Решила тут же:
Больше, мол, страдать
Нужды нет.
Приезжай, мол, Вася милый,
Теперь на все ученье наплевать.

И вот однажды
В дом, и хмур и зол,
Михайло входит,
Кстится¹ на икону,
Отвесив в каждый угол по поклону,
Несет на стол бутылку —

¹ Крестится, молится.

Стол обмел, —
И —
Тут народ, случилось, подошел —
При всем честном народе,
По закону,
Огрону пригласив с собой за стол,
Садит за стол
И сватает Огрону.

— Коль зло какое было —
Зло забудь.
Входи, Огрена!
Правь и будь как дома.
Будь Аграфенушкой,
Графиней будь,
Не казачихой¹, а хозяйкой будь,
В амбарах, в погребе,
В моих хорормах.

Из Загса к вечеру вернулись,
Он,
Еще не раздеваясь,
От порога
Ей указал на три угла икон:
— Благодари Христа,
Чти мой закон,
Чти благодетеля,
Молися мне да богу.

А через две недели снарядил
Ее в Совет.
Она три дня ходила,
Ревела,
И Калининым грозила,

¹ На севере — работница, батрачка.

Котомкой заклинала всех,
И был
Налог скрощен.
Михайло поступил
На службу — «по призванию» —
В «Союзмыло».

Огрена воевала за свое.
Хозяйкой став впервые,
Как в угаре
Она жила,
Бродила вокруг амбаров,
Разглядывала мужнино белье,
Как будто само счастье..
Все её?
Ужели это все теперь — её?
Смотрела, —
Кофей или чай заварен

В зеленом чайнике?
Что под доской?
Что в сундуках
И что за сундуками?
Но сундуки все были под замками.
Походит.
Шкаф потрогает рукой,
Усядется на стуле,
На другой
Переберется,
Пожует губами,

На двор сойдет.
В корыте, как в гробу,
Разлегшись, боров стонет, —
Стой и слушай!
Петух поет.

Привязанный к столбу
Пес с белсю кокардою на лбу,
Как будочник, сидит,
Развесив уши.

Всему завидовавшая,
Теперь
Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И просыпалась.
Проверяла дверь:
«Жизнь!..
Кобелю домашнему не верь...»
Баб к своему колодцу не пускала.

Гнала скота чужого,
«Чтоб ты сдох!»
Второй замок привесила к ограде...
Что у Огрены было?
Стадо блох?
Теперь коров широкоребрых стадо.
Был сарафан.
Теперь ей мало трех.
Был бог,
Как и у всех крещеных, бог —
Теперь их два.
И первый бог не плох, —
Она земному все же больше рада.

— Что мы живем?
Не велика семья.
А пять коров...
Да, ну-ка, подсчитай-ка:
Пяток овец,
Три борова,
Свинья, —

Ведь богородица, а не свинья! —
Две казачихи...
И над всем-то я,
Я, Васенька,
Над всем
Сама хозяйка.

Заторопилась.
Скатерть постлала,
Сходила нарвала на грядках луку.
— Селяночку тебе подать аль туку?..¹
Уж так-то плакала я,
Так ждала!..
Пошла в чулан.
Но словно обожгла
Скоба ее трясущуюся руку.

«Закрыто»...
Застыдилась:
— Вишь ведь що...
Ключи-то взял...
А я...
Все я носила!
К окошку бросилась,
Сняла с цветком горшок.
Котенка пнула:
— Брысь, нечиста сила!
И к бабам:
— Бабоньки, ведь сын пришел.
Уж так-то ладно все да хорошо...
Но в избу ни одной не пригласила.

«Пол только топчут...»
Бабы разбрелись.
Василий поглядел в окно,

¹ Тук — свиное сало, окорок.

На крыши,
На небо серое, что крыш не выше,
И муку матери,
Ее тоску и жизнь,
Казалось, он увидел и услышал.

Иное счастье грезилось ему,
Когда еще ходил от дома к дому,
И мать мечтал устроить по-другому...
Не лучше ли уж снова ей суму
Носить,
Чемдохнуть в этом терему,
Всю жизнь молиться
Идолу чужому?..

А мать — за стол.
Расправила ладонь,
Стол потрепала, как коня по крупу.
— Есть у меня, Васюта, в стойле конь,
Меня увидит — ржет,
Чужой — не тронь...
Ну, прямо, Вася, человек — не конь,
Яга от зависти б сломала ступу.

Уж и не помню вот — по сколько в час:
Хвост — в подгоре,
А грива — на угоре...
— Что ж, покажи!
— Да... Стойло на запоре...

Вошел слепой.
Сказала: — Бог подаст!
Но передумала:
— Который раз
Пошел? — спросила, —
На!.. да ктись за нас!

И задержалась взглядом,
Как на воре.

— Сколь этих нищих ныне развелось —
Проходу нет!
Отколь — скажи на милость?
Трудились бы..
Так нет!
Глядят, небось,
Как бы кого обчистить довелось...

Огрена набожно перекрестилась.

**
*

Под вечер тьма настала — хоть убей,
Ни зги не видно.
Стихло так, что слышен
Был писк мышей
И шум тепла в трубе,
И вдруг ударил ливень по избе,
Как будто стаи сизых голубей
Забегали по крытой стружкой крыше.

Промокшие до нитки,
До костей
Продрогшие,
В залатанных азиях
Вбежали девушки.
Таща пестерь,¹
Вошел и сам.
— О, бог послал гостей!
В счастливый час!
И будемте друзьями.

¹ Пестерь — род плетеной из березового лыка
заплечной котомки.

Он был, как сыч,
Невиден, но глазаст,
С раскинутыми крыльями-руками
И с носом птичьим,
Только над бровями
Лежали складки густо —
Пласт на пласт;
И не по-птичьи двигал желваками.

— Так, значит, проживаешь в городе? —
Он забасил Василию. —
То гожо!
Кому чего положоно в роду.
Ты на окладе, стало быть?..
Я тожо,
Да небольшой вот дом ещо веду...
Слова его, как жернов на ходу,
Крутились,
Гоготали
Круглорожи.

«Вот, — думал он, —
Еще одна рука
В районе, да, пожалуй, и в Совете...
Сынок — не лишнее для старика,
При слабости — он что тебе клюка:¹
Чуть что не так, —
Глядишь, за все ответит».

— Огренишка, подай-ко огурцов,
Да водочки остаточок! —
И вынул
С ключами из-за пазухи кольцо. —
Я, стало, довожусь тебе отцом?

¹ Клюка — палка, клюшка, опора.

Ну, что жо,
Рады коммунисту сыну.

И, разместившись у окна, повел
Степенную и умную беседу
Об устроеньи жизни,
О победах
Большевиков,
О том, что власти, мол,
За то, чтобы крестьянин в гору шел,
Старался бы...
Но не порок и бедность.

О том,
Что вот со жнивой чуть просрочь —
И спелый колос урожай обронит,
Что
«Ономедни подошли помочь
Племянницы...
Еще ночуют ночь...»
И тут Михайло вдруг мигнул Огрена.

Он выдал ей
(«Такой сегодня день,
Давай-ко, оборачивайся, делай!..»)
Яиц,
Тучку,
И даже мучки белой.
И запотрескивало,
Зашипело,
Запело масло на сковороде.

Подав на стол,
Огрена за углом
Пекарки
Замерла, на сына глядя.

«Родименький ты мой!
Каким стал дядей!
Речь — как по книге, и глядит орлом,
Не подойдешь, как раньше,
Не погладишь...»
Сын вдруг заметил:
Мать не за столом.
«Бойтся, что ль?»
— Ты, мама, что не сядешь?
— Да вы-то кушайте!..
Я что..
Я так..
Потом..
Михайло — тоже: — Что ж ты? —
И перстом
Ей указал на лавку,
С сыном рядом.

Когда пора настала гостю спать,
Он ей сказал:
— Сынок-то шел дорогу..
И приказал укласть его в кровать.
— Мы на полатах будем ночевать..
Огрена радовалась
И молилась богу.

**
*

А сын не весел будто.
Почему?
Не разобрался, видно...

Звонким лаем
Собак,
Возней кошачьей за сараем
Начался день...

Теперь они в дому
Вдвоем остались,
И она ему
Сказала воровато:
— Запрягаем!

Из стойла вышел длинноспинный чорт,
Косясь на желтую в медяшках сбрую.
Огрена хвалится:
— Смотри-ка, вот,
Хозяина глазами так и жрет,
Дай ногу! — скажешь —
Ногу подает,
Подай другую! —
Подает другую.

Все, сколько было на селе собак,
Как волки, вынеслись за тарантасом,
В колодец ткнулся, обезумев, хряк.
Когда лихой
Подтянутый рысак
Пошел плясать,
Гремя утробным басом.

Деревня с визгом жалась к стороне,
Взлетала над ухабами корзина.
Огрена правила сама.
Коней
Она любила.
Муж ушел,
А ей
Давно задумалось потешить сына.

— Ходи, ходи, Сапуля!
Тереби! —
Молила шопотом она,
Сквозь зубы. —

Пляши, родимый,
Топай, толстогубый!..
И кренились оградные столбы,
А небо
То вставало на дыбы,
То опускалось на сады,
На трубы.

Рысак стлался —
Не натяни вожжи.
— Вот на таком невестой выезжать бы!..
И вспомнила Огрена свою жизнь,
Украденную молодость во ржи,
И стыдную
Несправленную свадьбу.

И так дышала,
Словно никогда
Уж не дышать ей больше..
Лошадь взмокла.

Зло огрызались бабы у пруда.
В домах сердито закрывались окна.

Но сын как будто ничему не рад,
И взгляд какой-то пристальный,
Недобрый.
В хлев не зашел,
Не осмотрел двора,
Как будто в них
Ни пуха, ни пера,
В ограде — ни телеги, ни оглобли.

Михайло же был в духе, как вчера.
Ждала: ругать начнет —
Он все одобрил.

В деревне было сто дворов.
 Кругом —
 Три вековечных поля.
 Три посада
 Сосновых изб
 Шли от полей на холм,
 И здесь был центр села,
 «Угор»,
 На нем —
 Часовня с куполом;
 Как всякий дом,
 Она имела палисад, ограду,
 Скрипучую калитку с петухом,
 Две-три березки
 И колодец рядом.

Сюда по праздникам,
 По вечерам
 Ребята девок разбирать сходились,
 Здесь на досуге мужики судили —
 Когда косить,
 Когда пахать пора,
 Прикидывали, сколько со двора
 Приходится налогу,
 Выносили
 На круг все болести,
 Здесь по утрам
 Хозяйки поднимали тарарам...
 Сюда ходил к соседям и Василий.

Дни солнечные.
 На душе покой
 Ничто, казалось, возмутить не может.
 Земля и воздух пахнут свежей рожью

И соснами,
И дышится легко.
Жнецы ль пройдут —
Василий им рукой
Махнет,
Девчата ли —
И им он то же.

Шутил и разговаривал,
И все
Раскланивались с ним
По-свойски просто.
Уж он не нищий,
Да и не подросток...
— Василий Яковлевич,
Вы совсем
В деревню к нам
Иль в гости?
— В гости, в гости!..

Так время шло.
Но все же замечать
Василий стал,
Как иногда в беседе
Нехорошо вдруг бабы замолчат
Иль парень правду рубанет с плеча,
Закашляются старики-соседи.

«Что ж, мол,
Михайло — ничего мужик...
Прожиточный...
Гостите, мол, гостите...»
Поговорить бы с глазу на глаз
С Витей, —
По-дружески,
От сердца,
Напрямик.

* * *

На сон махорку жгли у рундука.
Василий следом за Михайлом вышел.
— Зачем, спросил,
Женился ты на нищей?
Ну, ко двору ль она у кулака?
Для выбора округа велика, —
Ужель невесты не нашел почище?!

Михайло брови поднял,
Желваки
Вдруг заиграли.
— Что вы?..
И в помине
Здесь этих псов — сказал он — нету ныне.
Ну, что у нас в лесу за кулаки?
Мы от всего такого далеки..
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной
На Украине.

Я линией партийной дорожу.
Батрачки, говорите?
Я их сроду
Не нанимал.
Племянниц вон держу,
Так неминучая ведь:
Я, как вы, служу —
Вы сами понимаете —
Народу.

.
Когда забился ветер в хмельниках,
По улице заползали старушки,
Над полем закрубились облака,
Как будто чья могучая рука

Строгала небосклон
И по бокам
Охапками раскидывала стружку,

Когда осинový затрясся лист, —
Михайло встал.
Узнал он, что некстати,
Зря,
Попусту слова и время тратил...
— Ты, стало быть, сынок, не коммунист? —
Сказал Василию он. —
А речист...
Ну, что ж...
Светает...
Посидели...
Хватит.

* * *

Когда в дому начнут раздоры жить —
Кто может горе матери измерить?
Огрена плакала
И не могла поверить,
Что Васенька в семье не будет жить.
Как ей хотелось
Все перемирить:
Михайло, правда, заметался зверем,

Но сын-то, сын...
Ему бы чередом,
Добром бы все
Да мягче,
Да положе...
Ведь до такого вызволения дожил:
К нему по праву перейдет весь дом,
И утвердился б он навеки в нем

С женою работающей
Да пригожей.

Не радуется...

Чем его пронять?

И уж она и так,

Она и этак,

И про коров ему,

И про коня...

Молчит — и только.

Васю не узнать...

— На что, сынок, теперь тебе пенять?

Не любо, что завидуют соседи?

Василий выжидал,

Что мог он дать

Теперь родной своей?

В нем появлялась

Расчетливость.

Что матери сказать?

А надо отстоять ее,

Отнять.

Учебы две зимы еще осталось.

Еще два года —

И он смог бы взять

Ее к себе,

Ее покоить старость.

И как-то вечером

С приходом тьмы,

Обняв ее, заговорил он прямо:

— На кулака позарилася, мама?..

Иль нет другой дороги от сумы?

Иль думала —

Не справиться самим?

Травы мы ниже?

Лужи тише мы?
Иль не надеялась на сына, мама,
Мол, укатил
И голову сломил?..
Огрена только хлопала глазами.

— С ума ты спятил!
Где здесь кулаки?
Их в нашем крае нету и в помине.
Мы от всего такого далеки!
Уж коли есть на свете кулаки,
Так разве на одной на Украине.

А мой большак?
Какой же он кулак?
Не пьет, не грабит...
Никого не хуже.
Живет на жалованьи —
Стало, нужен.
Он, Вася, праву нашему не враг.
Михайло — служащий, а не кулак:
Стоит на месте,
Сам народу служит.

— В народе то о нем и говорят,
Что он не служит,
А народ, мол, грабит.
— От зависти, Васюта, лают бабы,
От зависти...
Михайло, вишь, богат,
Вот и завидуют...
Народ-то сам бы рад
К себе в домок, Васюта, каждый рад, —
Да не умеют...
Вот и лают бабы.

— «Племянницы», —
Василий наступал, —
Лишь у одних у кулаков бывают.
— И, полно, сын!
Как будто я не знаю:
И каждый бы работницу держал,
Да руки короткие,
Достаток мал,
Держала нет.
Вот бабы-то и лают.

Василий матери не узнавал.

Михайло слышал все,
И был вдвойне
С Огреной утром ласков,
Звал «Огрешей»,
«Моей графинюшкой»,
«Моей хорошей».
Ключи ей передал,
Сказал: — Жене
Всем володеть, коль будет жить по мне.
И потрепал, погладил по спине,
Как только что объезженную лошадь.

Но вечером, узнав,
Что ополдня
Огрена жарила селянку сыну
И вынесла из погреба свинину,
Он в дом вошел, косясь,
Весь свет кляня,
Шипел, поталкивал ее,
Гонял,
Совал костистым кулачищем в спину.

— Беда двору,
Коль кура запоем

По-петушиному.
Жона, что кошка:
Погладишь раз
И вот уж хвост дерет...
А тут еще какой-то обормот
Не ждан, не зван пришел,
И на-ко вот —
Ходи за ним,
Давай большую ложку!

Притихшая Огрена в закуток,
Как в щель, забилась.
Даже не всплакнула,
Лишь на глаза надернула платок.

Василий думал:
«Матери урок,
Глаза откроются»...
Но мать вздохнула

И отошла, ни слова не сказав,
А только стихла ругань,
И лохматый
Муж, двинув стол, залез под образа,
Пугливо по-собачьи,
Виновато
Огрена глянула в его глаза,
В зеленые Михайловы глаза,
И бросилась гремять в печи ухватом.

Василий даже отступил назад:
Мать показалась страшной
И горбатой.

Но как же плакала она потом,
Когда одна осталась,

Причитала,
Как будто спорила с собой.
Вздыхала,
Шла в погреб с отваренным молоком
Да не дошла,
К поленнице припала,
И, всхлипывая,
Слезы кулаком,
Как девочка больная, растирала.

Вся жизнь пред ней, как пустошь за двором,
Предстала —
Вся в колодинах и в ямах:
Ни пяди, не заваленной камнями.
Ни дня,
Который бы прошел добром...
Все втоптанно
И полито слезами.

И, зная, конца не будет им.
В куски
Изорвана душа.
Ей страшно стало.
Как бы теперь к сынку она припала
И плакала и плакала б с тоски,
Так много накопилось горя, жалоб...
Из милостыни лучшие куски
Он для нее откладывал, бывало.

И сын пришел.
Он где-то за углом
Стоял.
Он видел многое и слышал.
Огрена замерла,
Глядит — не дышит...
Пришел сынок...

Но вместе с ним пришло
Воспоминание:
Через стекло
Они следили: в праздники текло
Коровье масло.
А у них, у нищих,
Ни молочка, ни каши за столом,
Ни лошади своей,
Ни даже крыши.

Василий все обдумал.
Предложить
Решил он матери поехать в город.
— Ты мама, будешь в общежитьи жить,
Со мною...
Дом большой...
С забором...
Есть где картошку летом посадить...
Покамест что — начнешь у нас служить:
Белье стирать,
Полы мести и мыть...
Потом...
И здесь колхозы будут скоро.

И я учење кончу.
Положись
На сына, мамонька!
Пойдем, родная!
Тебя Михайло изведет,
Замает...
У матери слеза в глазах дрожит:
— Васютенька!..
Сынок!..
Опять к чужим?
Уж лучше здесь мне как-нибудь дожить.

— Но, мамонька,
Да ты и здесь чужая!

Мать выпрямилась,
Словно защищая
Последнее, чем радовала жизнь.

Глаза отерла.
— Уж... Ты, Вася, уж
Михайла хоть бы зря не худославил,
Он мне опять вон сарафанчик справил.
— Он, мама, царь и бог..
— На то и муж.
— Зачем же бьет тебя он?
— Бьет по праву.

Чужие били — не могла дышать,
А свой-то бьет,
Так будто и не лихо.
— Все от тебя закрыто!
— Он большак.
— Батрачка ты!
— Нет, Вася, — большачиха.

**
*

Стихая на поле,
Шумя в домах
То в виде сожаленья,
То укора,
Ходили по деревне разговоры,
Что, мол, падка Огрена до дерма —
Забила в петлю голову сама,
И сын —
Набрался в городе ума —

Туда же лезет,
Там же будет скоро.

Василий спорил,
Но ему в ответ
Шутили да плечами пожимали,
Мы ничего, мол, слыхом не слышали,
До ваших дел нам вовсе дела нет,
Да что судить:
У всякого свой свет...

По деревням заем распространяли,
И днем пошел Василий в сельсовет,
Чтоб и ему, как всем,
Нагрузку дали.

Небритый председатель за столом,
Загородив спиною целый угол,
Сидел один,
Потая, как над плугом,
Над сводками,
Где на числе число.
Он одолел давно, хоть и с натугой,
Письмо;
Но арифметика, подлюга,
Не поддавалась,
Бей ее колом!

Василия он встретил у ворот.
— А!.. Знаем! — говорит, —
Как поживаем?..
Ведь вот что значит власть-то трудовая:
И нищего, а выведет в народ...
Ну, как вы там?..
Ученье как идет?..
Наслышались:

Приехал и живет,
Мол, у Михайла...
Али врет народ?
Али не врет он?..
И Михайла знаем...

И председатель шурился,
Щипал
Бородку,
Двигал хитрыми усами.
Все выпытал,
Все выведал, узнал,
Все выпросил...
И ничего не дал.
— Управимся, — сказал, — тихонько сами.

Василий встал,
И больше ничего
Не слышал.
Председатель руку подал,
Он не заметил, уходя:
Его,
Казалось, отлучили от народа.

**
*

Дорога шла болотом, через гать
И лесом.
Где-то далеко, высоко
Лесной баран не уставал блять,¹
И было так тоскливо,
Одиноко...
Виталий прав.

¹ Лесной барашек, баранчик — болотная птица из семейства куликовых.

Но как оставить мать?
Мать позабыть, что родину предать...
Свернуть с тропы,
Упасть да зарыдать,
И рвать зубами горькую осоку.

Лес окружал его крошечной тьмой.
На миг представилось:
Он снова нищий...
Один...
Василий сел на корневище,
Вздыхнул:
Вот рвался человек домой,
Шел — песни пел,
Пришел на пепелище.

К воде склонился.
Думалось, юнцом
Себя увидит.
Как он посуровел:
В болотной жиже,
Словно в луже крови, —
Веснущатое бледное лицо,
Донельзя сжатые густые брови.

Стоячая зеркальная вода,
Казалось, отразила ястребенка,
До срока выпавшего из гнезда.

Так все,
Переболев, перестрадав,
Взрослеем рано мы,
Не по годам,
Глядишь — и отрастает борода.
Взгляд насторожен.
Губы стали тонки.

Василий посидел, набрал камней
И стал кидать в зыбун
За камнем камень,
Чтобы рассеяться, —
Вода пошла кругами
Густыми, розоватыми,
И в ней
Явились сотни молодых парней,
Поблескивавших ровными зубами.

Негромкий плеск,
Летящая пыльца, —
И толпы одногодков возникали
Из одного скуластого лица;
Они то хмурились,
То хохотали,
То вдруг смотрели строго,
Как Виталий,
Шли вглубь и вдаль —
Им не было конца, —
И снова все в одном лице сливались.

За ними город вырос, как мечта
Решенье вызревало:
В город, в город!

Мать подала письмо.
«Ну, как ты там? —
Писал Виталий, —
Рыжий сирота?
Не прижился?
Сбежишь, наверно, скоро?»

Иль дом нашел?
Тогда мы не друзья,
И нечего тебе здесь больше делать...»

Василий думал:
«У меня семья
Одна с тобою.
Сирота не я.
Вот мама у меня осиротела».

В ограду ночью вышел.
Как в гробу,
Как в яме погребной
Темно и душно.
Все спит,
И лишь привязанный к столбу
Пес с белою кокардою на лбу,
Как будочник, сидит, развесив уши.

Да, он сбежит.
Но этот чортов дом
Не будет жить.
Он — нечисть на загоне.
Здесь надо все перевернуть вверх дном..
Не привыкать нам обдирать ладони.

**
*

Поутру —
Курицы еще насест
Не покидали —
Уж Огрена встала,
Зло, по-мужски работниц растолкала
И повела их к новой полосе.
Еще был след заметен на росе,
Кузнечики не прыгали в овсе,
Стрекозы не летали, —
Чуть светало.

За нею,
Так и не успев соснуть,

Забрав мешок,
И мучась от зевоты,
Пришел Василий.
В поле, как в ворота
Родной избы, вступил,
Не унялась охота
Привычно спину над жнитвом согнуть,
Услышать запах васильков и пота.
— Сядь, мама, отдохни,
А я пожну! —
Сказал он матери, —
Твою спину
И так уж изгорбатила работа.

Все ничего еще ее родней
На свете не было.
Ах, мама, мама!..
В какой бы час,
Какими бы словами
Заговорить еще раз
С милой, с ней?..

Огрена разогнулась.
— Ты ко мне? —
И улыбнулась добрыми глазами. —

Я, Васенька, сыночек мой,
Авось,
Еще с полсотню лет в земле пророюсь.
— Я не об этом, мама, беспокоюсь.
— Зачем же серп тебе,
Ты нынче гость. —
Но серп дала. —
Запасный. Туп, небось...
Василий взял.
И вот за горстью горсть

Стал хлеб ложиться
На широкий пояс.

Мать сноп нажнет,
Василий — два снопа.
Завязывает через два наклона,
Сухие ставит под хлобук
В суслоны,
Сырые на просушку,
На попа.
— Ну и дотошный ты!..
Вишь, как напал.
Ну, работяга! —
Ахает Огрена.

Но стоило Василию сказать,
Что жизнь-де, мама, у тебя плохая,
Батрачишь, мол,
И что-то про Михайла, —
Она поджала губы,
Стала рвать
Ячмень с корнями —
Не узнаешь мать.
— Пора бы, Васенька, и перестать:
Еще не вырос, чтоб Михайла хаять.

И снова стали торопливо жать —
Василий молча,
Мать — слегка вздыхая.

А на поле уж кепок и платков
Мелькало много.
День шумел соломой.
Шли мимо толпы баб и мужиков.
Одни остановились.

— Кто такъв
Жнет у Михайла?
А!.. да тут знакомый..
И вот нашелся хлеб для остряков:
— Василий Яковлевич,
Бог на помощь!
Вот, бают, нет в деревне батраков,
А у Михайла — трое.
Счастье дому!

Огрена даже взвизгнула.
Хлыщом
Кого-то назвала.
— Завидно, что ли? —
И завязалась перебранка в поле.

О чем просить?
И ждать чего еще?..
Василий вскинул на плечо мешок
И, не простившись,
Зашагал в заполье.

Он брел, таясь от встречных, по овсу,
Как виноватый школьник —
Стороною —
И долго слышал эхо за собою:
Кричала мать,
Богов звала на суд..
Так заблудившийся кричит в лесу
И жалуется — на кого? —
И воеет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Михайлы дом,
И темен и суров,
Стоял в тот день,
Как будто пойлом облит.
Шла опись всех наличных животов,
Сводили со двора овец, коров,
Как руки, скручивали
У телег оглобли.

Пять мужиков в амбаре
На весы
Ссыпали рожь,
Трясли пшеницу в сите,
Перегребали семя льна в корыте.
Все проверял
И в книгу заносил
Член сельсовета,
Аграфены сын,
Василий Яковлевич —
Учителя

Уж с год как по путевке КрайОНО,
С наказами и Рика и Райкома
Приехал он в село свое с дипломом
Учителя
Служить,
И заодно
Работать избачом,
И заодно —
Колхозным счетоводом.

Как в родной
В деревне жил он:
В каждом доме — дома.

Лишь к бедной матери
В богатый дом
Ему дороги не было.
Вначале
Он навещал ее.
Его встречали,
Но каждый раз Василий об одном
Огрене пел:
Расстанься да уйдем...
И как-то псы лохматые на нем
Весь пиджачок
В лохмотья изорвали

Теперь он снова был в ее дому.
Не изменясь
И не колеблясь долго,
Он не дал в сельсовете никому
Себя сменить.
Все кончить самому
Он, видно, счел своим сыновним долгом.

С ним первым из пятерки понятых
Был Петр Валов —
Петруша Марушонок.
Его в деревне звали:
«Долог-Тонок».
Что зєсла — руки,
Ноги — что шесты,
Бездомный —
Беднота из бедноты,
Покладистый,
Смешливый, как ребенок.

Изведав много горя на веку,
Петр об одном лишь сожалел немало,
Что старость близко
И уж, как бывало,
Не грохать на беседках каблуку,
Что бабы нет своей,
А мужику
Жить без хозяйки как-то не пристало.

На сотню верст в окружности
Валов
Всех, сколько было, девок пересватал,
Всех шадровитых
И придурковатых,
Косых и хворых,
Всех известных вдов,
С коровами, с домком,
И без коров,
Злых, пожилых,
Поджарых
И горбатых.

Но за него боялись выходить:
«Веселый, — говорили, —
Да не сытый.
И сруб не дом,
Коли стоит некрытый...»
Лишь горничная сельской попадьи
Его пригрела на своей груди,
Но Петр и от нее
Ушел набитым.

Большая, мягколапая,
Она
Мурлыкала:
«Не парень, а веселье!»

И сладко пахла липкой карамелью.
«Я буду, Петенька, твоя жена,
Но только музыка еще нужна.
Чтоб было все на нашем новосельи.

Есть у Михайла старый граммофон —
Труба, что колокол,
В трубе — вся сила.
Я на твоём бы месте согласилась
Три года проработать.
Есть резон.
Ну, а Михайло не поспорит,
Он
За два отдаст...
Уж я договорилась».

Петр две страды за граммофон трубил:
Оборвался, как старый бабий лапоть,
Ворочал тяжести с утробным всхрапом,
Пни корчевал в полях,
Леса рубил,
Но в чем-то подконец не угодил —
Лишился музыки
И мягколапой.

Теперь он перешарил весь амбар,
Пока другие занимались хлебом,
— Найду! — кричал,
И где он только не был, —
Мой граммофон.
Где чортова труба?..
Он вынести хотел ее для баб:
Пускай хоть раз
Повоет в наше небо.

Как в праздник,
Под окном шумел народ.

Одни смеялись,
Плакали другие,
Прислушиваясь, как в дому ревет,
На бога ропщет
И на весь приход,
Вопит Огрена,
Но потребуй сход —
Любой из них
Пошел бы в понятия.

И вот на улице, прижав к груди
Плетеную корзину с граммофоном,
В улыбки, в хохот
Вышел Долог-Тонок.
Все закричали:
— Петр Ильич, крути!
— Сыграй, дядь Петя!
— Долог, заводи!
И шупали:
— Сундук с замком!..
— Зеленый!..

Седой старик, скрестив луточки ног,
На музыку косился, как на чудо,
Опасливо, чтоб не стряслося худо,
Но любопытства превозмочь не мог,
Как будто к пиву подали пирог
Огромный,
Белый
На заморском блюде.

С полдюжины пластинок принесли,
Очистили от плесени и пыли.
Все разложили.
— Что еще забыли?
Иголки где?

— Иголок не нашли...
Но у Петра в кармане гвозди были.
На валуне,
Торчавшем из земли,
Гвоздей машинных тут же нарубили.

И, затаив дыханье,
Стали ждать.
Мужчины сели,
Ребятишки встали.
— Не заиграет! —
Бабы завздохали,
Петр осердился:
— Должен заиграть!
Трубил два года — и свое не взять?!.
Давайте, подбирайтесь,
Да плясать,
Которые ни разу не плясали.

Пружина заурчала,
Заржала,
На рев несмазанных колес похоже,
И вдруг труба
Гнусаво,
Ржаво,
С дрожью,
Как поп, что раньше ездил из села,
Восстав из мертвых,
С воем воззвала
К широкому пустому небу:
«Боже,
Царя храни!»

Сначала мужики
Опешили.
Все показалось внове.

И бабы ждали песен не таких,
Насторожились и взлетели брови,
Как будто,
Ожиданью вопреки,
Вдруг граммофон принялся сквернословить,

Выхрапывать похабные слова,
Зло поносить и пожилых и малых,
Честной народ бесчестить чем попало,
Оплевывать народные права —
Любого тут недоуменье б взяло.
В платок хихикнула одна вдова
И смолкла, оглядевшись.
Страшно стало.

Тень старого державного орла
Над сжавшейся толпою пролетела.
Она по-разному людей задела,
Но рана старая не зажила,
А память, знать, у каждого была...
Толпа заволновалась,
Загудела.

Петр граммофон остановил, сердясь,
Как бы стыдясь чего-то,
Снял пластинку
И вышел на дорогу, матерясь.
Ему кричали:
— Дай, закроем кринку!..
— Брось девочкам!
На что она сдалась?
И вдруг плотина смеха прорвалась:
Валов на кругую коровью грязь,
Перекрестившись,
Возложил пластинку.

Казалось, деревянные мосты
Под бочками мучными грохотали,
Казалось, с бочек обручи слетали
И прыгали по горбылям крутым.
Хватались мужики за животы,
А бабы, словно куры, кокотали.

На этот взрыв веселья,
Весь седой,
В муке,
Василий вылез из подвала.
Прищурился, — смешливый, молодой, —
Присел.
Пружина снова застучала.
И вот по-
«Шла девица за водой»,
Гремя
И так взмахнув над головой
Платком,
Что вся деревня заплясала!

И лишь Огрена в доме,
К вековой
Печи припав,
Той песне подвывала.

Набить хватило б горем короба. ,
Глаза слезой — туманом застилает.
Добро в трубу летит...
Всему труба...
Не бог карает —
Бог, он правду знает...
За все простила бы Огрена баб,
Петра простить не может,
Не желает.

Болтун как есть,
Из бобылей бобыль.
Давно ли вместе по-миру ходили,
Батрачили, где приведется,
Жили,
Где бог велит,
Не знали ни избы,
Ни животных своих.
И все забыл.
Вошел в права,
Продрал глаза бобыльи.

Мир отвернулся от нее.
Одна —
Без сына мать,
Хозяйка без коровы,
Без власти под своим родимым кровом...
Остался муж.
И вот глядит жена
На мужа, что недвижной валуна,
Согнувшись,
За столом сидит сосновым.

Он как-то ночью к ней пришел босой,
С заляпанными глиною руками...
Огрена утром не нашла часов,
Ножей с серебряными черенками,
С серебряными чашками весов...
Хоть он и запер думы на засов,
Она поверила:
«Все будет нашим...
В яме...»

«Теперь вся сила,
Вся надежда в нем.
С ним бог.

Он богом в большаки посажен.¹
Он — мне душа,
Мое хозяйство, дом.
Все будет так, как он решит и скажет:
Уйти захочет — стало быть, уйдем.
А смерть застанёт — заодно умрем,
Могилу выроем
И рядом ляжем.

Жить заодно,
И гибнуть заодно
Ни я его,
Ни он меня не бросит...»

Дымят, шумят,
Смеются за окном —
Так в урожайный год встречают осень.
К божнице Михаил сидит спиной,
Тоскливо, холодно...
В глазах темно.
Уж он и бога ни о чем не просит.

Готов реветь,
Кататься по земле,
Пускай песок набьется в рот и в уши,
Но только б хохот мужиков не слушать
И не глядеть на праздник на селе.
Но он сидит.
На крашеном столе
Чадят окурки.
Он огня не тушит.

Не верится еще,
Что вот конец
Пришел всему:

¹ Большак — глава семьи.

Такое ль проносило?
Но вдруг запел в ограде бубенец —
И у Михайла душу зазнобило:
Из стойла выведенный жеребец
Плясал в оправе пряжек и колец
В чужих руках,
Чужою сдержан силой.

Плясал,
Сияньем солнца окружен,
Из серой гальки высекая искры,
Ушами прядал
И глазами рыскал —
Казалось, не сдержи Михайло стоп,
Скажись хозяин —
И рванется он
На голос, словно гончая на выстрел.

Михайло сжался,
Губы закусил,
Но стон сдержал
И голоса не подал,
Лишь ласково Огрене забасил:
— Огренушка! Твой сын...
Твоя порода...
В тебе вся сила...
Родная, спаси!
Проси прощенья,
Милости проси...
Да не у этих-всех...
Не у народа.

К нему пойди,
К ногам его пади,
Васютенька, — скажи, — в чем я повинна?
Да только на сторону отведи...

Где у тебя, мол, совесть?
Мол, у сына?
Не разоряй, мол, Вася, пощади,
Ты вырос на моей, — скажи, — груди,
Ты сердца моего, мол, половина.

Али не чтут партийцы матерей?!
Али, — скажи, — не я тебя рожала?
Пойди, графинюшка моя, скорей...

Огрена, словно от удара, сжалась,
Взгляд опустила,
Мелко задрожала
И вышла в сени,
Не закрыв дверей.

**
*

В ограде сын и трое понятых,
У тарантаса сгрудившись, возились,
Отряхивали от трухи и пыли
Скрипящие седелки, хомуты,
Натешившись в толпе до хрипоты,
Они теперь молчали
И спешили.

Когда Огрена пересекла двор,
Сморкаясь то в косынку,
То в передник,
Василий вздрогнул, сжался,
Но помедлил,
Не разгибаясь,
И потом в упор
Взглянул на мать.
— Что?

Отойти за двор?
На разговор?
Не нужен разговор...
Тогда, смигнувшись,
Отошли соседи.

И сразу стало слышно, как жуёт
Овца в хлеву,
Как друг у друга перья
Рвут петухи...
Василий все не верил,
Что мать лишь этим миром и живет.
Ему Михайло представлялся зверем,
И он надеялся:
Мать все поймет
И наплюет на все,
И хлопнет дверью.

Теперь, усталый,
Поглядев на мать,
На мокрый лоб ее,
На голый локоть,
Он понял вдруг, как с нею одинок он,
Что ей, родимой, нечего сказать,
И стало жалко и себя,
И мать,
И чтоб не отступить,
Не зарыдать,
Он к ней, к любимой,
Повернулся боком.

Но как родна она и дорога!
На плечи б кинуться,
Услышать: «Милый!»
Василий брови сдвинул через силу.
Как страшно видеть в матери врага!

Огрена грохнулась к его ногам
Врастяжку,
Как на свежую могилу.
Сын отступив, позвал Петра.
А сам,
Ругнувшись, скрылся,
Словно канул в омут.
Петр сел с Огреной рядом,
На солому.
— Дурашливая..
Шла бы снова к нам.
Чего тебе, — сказал он, — в этом доме?
Огрена грязь растерла по щекам.
— Завидуешь, что не твои хоромы?!

Чужой-то двор покою не дает?
Глаза вам выело
Чужое счастье!
Набросились!..
Обрадовались власти!..
— За счастье-то и поднялся народ.
Мы и тебе хотим,
Огрена, счастья.

Но тут на двор
Окно раскрылось настежь —
Огрена заспешила:
Муж зовет!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В хлеву ни свинки, ни щетинки нет,
Хлев опустел,
И опустело стойло,
А с ними вымер,
Опустел весь свет.
Огрена утром поднялась чуть свет.
Кого кормить?
Кому приготовить пойло?

Какому псу напарить
Наболтать?
Нет силы к этой тишине привыкнуть.
От росных слез к земле рябины никнут.
Своей родной ограды не узнать...
Кого по теплой шее потрепать?
Кого приветить?
На кого прикрикнуть?

К чему теперь зарытый куль овса,
Распаренная в чугуне мякина?
Мертво.
Труха да обод колеса,
Да куры, да собака у овина.
Но и собаку кто-то искусал —
Кровавая на ребрах полоса...
Что с ней?
Огрена обласкала пса
И в хлев впустила:
Все-таки скотина.

В ту ночь,
Забрав котомку и топор,
И все, что было врыто у забора,
Кой-что заранее спровадив в город,
Михайло, замирая, словно вор,
Покинул свой опустошенный двор,
И ночь укрыла беглеца, как вора.

Один ушел.
Теперь не до жены.
На что еще могла она согдиться.
К другому надо берегу прибиться,
Зайти не с той,
Так с этой стороны.
Еще к народу можно примениться,
Но только новые ходы нужны.
Куда же с ней?
Жена не рукавица.

В сенях разгруженные сундуки
Стояли, словно лодки у причала.
Огрена утром взвыла,
Закричала:
— Ограбили!
Спасите, мужики!
Но, осмотрев открытые замки,
Все поняла:
«Ушел!»
И замолчала.

«Ушел.
Куда? Ни слова не сказал.
Как лапоть сбросил.
На кого покинул
Меня, свою христову половину?
Ушел и ничего не наказал.

Где были раньше у меня глаза?!
Одна теперь,
Как сноп в пустом овине.

Как голый камень в поле у межи,
Как веник,
Выброшенный на дорогу.
Не занесешь теперь к соседям ногу.
Податься ли
К сыновнему порогу?
Иль снова мерзнуть под окном чужим?
В чужих чуланах спать?..
А надо жить,
Доплакивать,
Домаливаться богу».

И Аграфена стала собирать
Все, что осталось:
Чугуны с полицы,
Горшки с шестка,
Тарелки,
Коробицы
С тряпьем, с железками,
И под кровать
Все забивала:
Может, пригодится.

Приволокла из погреба конец
каната,
В темном голбце¹ побывала,
Обшарила все уголки подвала —
Нашла топор, да ржавый бубенец,
Все разложила,
Все пересчитала,

¹ Голбец — подполье.

Уселась на кровать
И подконец
Заплакала:
Насобирала мало.

Два дня,
Две ночи бесновался пес,
На стену прыгал —
Вся стена дрожала,
Дверные доски изорвал в мочала,
Баб у колодца пробирал до слез,
Всю ребятню охватывал мороз —
Огрена ничего не замечала.

Поутру пес,
Согнув в дугу спину,
Уставился в навозную лепешку
И взвыл, как волки воют на луну,
Потом пустил кровавую слюну,
Затих
Лежал — и не ходил к окошку.

Не видела Огрена ничего.
Ложилась спать с обутыми ногами.
Но вновь пришел Василий с мужиками.
— Где муж? — спросили, —
Где найти его?
И снова к сердцу привалился камень —
Огрена подняла истошный вой,
Забилась о простенок головой,
По лавке застучала кулаками.

— Вы извели!
Не от меня ушел!
Аль и его переписать хотели?

И бросилась к коряжистой постели,
Загородила глиняный горшок:
— Умру! Уйдите!
Мало вам еще:
Все подчистую взяли...
Все поели.

Ей показалось,
Что у всех в глазах
Недоброе к ней что-то затаилось.
Она еще отчаянней забилась.
Впервые ощутив пред ними страх —
Все меньше плакала,
Все больше злилась.

«Валов все тут же...
Вишь, глаза горят.
На двор пошел зачем-то...
Ходит...
Шарит...
Он первый стал хозяйничать в амбаре:
Нет своего —
В чужом порываться рад...»
Огрена к сыну обратила взгляд:
— Васютенька!
Куда теперь мне, старой?..

Одна ведь я...
Ты грудь мою сосал...
Оставь для матери хоть сруб да крышу.
Зачем Валов опять в ограду вышел,
Чего он ищет?..

Вдруг рычанье пса
Из хлева донеслось,
И голоса,

Визг с улицы
И хохот ребяташек.

Огрена бросилась к окну.
Назад
Отпрянула:
Увидела Валова, —
Он в хлев заглядывал, —
И, не сказав ни слова,
Метнулась из избы на голоса.
Василий не успел поднять глаза:
Мать выпустила
Бешеного пса
Растравленного
На Петра Валова.

— Усь! — закричала, —
Усь!
Души!
Вот!
Вот!
Чтоб ему домом этим подавиться!..
Собака зарычала, как волчица,
Рванулась из распахнутых ворот,
Но не к Петру,
А врезалась в народ
И начала кружить,
Оскалив рот,
Трепать и рвать ребят,
Как рукавицы.

Василий выскочил из дома:
— Бей!
Кол на бегу рванул из палисада.
— Петр! За берданкой!..
Запереть ограды!

Собака, взвизгнув,
От избы к избе,
Распугивая кур и голубей,
С подскоком побежала вдоль посада.

А той порой Огрена у себя,
В своих владениях распоряжалась:
Закрывает хлев.

На лестницу взбежала
И, увидав испуганных ребят,
Набросилась на них,
Шипя, хрипя:
Кого к стене,
Кого к крыльцу прижала,

Кому дала коленом по спине.
— Чтоб духом вашим здесь не пахло ныне!

Щенки!

Всех выбросила из сеней,
Ломая ногти,
Влезла по стене
И молча заперлась на мезонине.

**
*

Собаку задержали за селом.
На тракторе бригада пар пахала.
Собака, морду опустив, бежала,
След заметая черным помелом,
Через загоны, к лесу —
Напролом,
Но, ткнувшись в трактор,
Очумело встала.
И тракторист ее зашиб колом,

«Тут, значит, ров,
А тут вот два куста... —
Рассказывал он после. —
Я на склоне...
Сижу я, значит, на своем фордзоне
И вижу:
Выбежал кобель и встал.
Я наперво подумал:
Зайца гонит.
Но почему ж, мол, гнать-то перестал?
И весь в крови?
И от земли хвоста
Поднять не может?
Нет, мол... Не спроста!
Тут, значит, я его и урезонил».

Василий с шомполкой наперевес
Бежал,
Когда его остановили.
— Василий Яковлевич!
Загубили!
Он пот смахнул и поглядел окрест
Так,
Словно не узнал знакомых мест,
Хоть и леса и пашни те же были.

Здесь года три назад
Он проходил
Юнец-юнцом
С котомкой за плечами.
Какой надеждою тогда он жил?
О чем мечтал и днями и ночами?
Сбывается, что он в груди носил.
Преобразилось все:
Поля...
Сельчане...

Вон трактор...
Как он много изменил!
Одних он смял,
Других он породнил.
А с ним сжились.
Его не замечают.

По ветру из деревни донеслись
Пронзительные вопли и причеты.
Но он не сразу догадался — что там.
А там к колодцу бабы собрались,
Кляли Огрону,
Поносили жизнь,
Ревели, что напрасно родились,
И заодно со всем сводили счеты.

Одна кричала:
— Бабы, надо к ней
Самим итти.
Детишки-то ведь наши.
Гнать надо стерву из деревни взащей!
Петр, как всегда, шутил:
— Шумней, шумней!
Погромче, бабоньки!
Не слышно мне. —
И вдруг — всерьез: —
Учителю видней:
Огрена все-таки ему мамаша.

Василий шел в село, с трудом дыша,
С трудом от пашни отдирая ноги.
Душила пыль,
Песок шагать мешал.
Вздохнет и ступит:
Постоит немного
И снова ступит,

Снова трудный шаг...
И снова шаг...
А сердце бьется так,
Что вздрагивает, кажется, дорога.

Он думал:
«Надо в город написать
Сегодня же.
Наверно, маму вышлют».
С колодца долетают голоса
И рев.
Но чудится — ее он слышит:
«Васютенька, ты грудь мою сосал...
Взгляни, роженный мой, в мои глаза...
Оставь для матери хоть сруб да крышу».

А ребяташки плачут...
И опять
Решенье входит в мозг
Каленым клином:
Сейчас же надо мать арестовать.
Оставить, значит родину предать.
Взять самому...
Но снова стонет мать:
«Васютенька, скажи, в чем я повинна?
Не вместе ль милостыню собирать
Ходили мы?..
Ты хочешь жизнь отнять...
Где совесть, Вася, у тебя,
У сына?!»

В деревне,
Не заговорив ни с кем,
Прошел он улицей в толпу народа,
Где Петр колодезьную черпал воду.

У девочки по розовой щеке
И по искусанной до локотка руке
Стекала кровь
И капала в колоду.

Василий сразу голову поднял.
С ружьем в руках —
Он был теперь похожим
На воина.
Но сам он ощущал,
Что все еще дрожит холодной дрожью.
Он думал:
«Пес, который искусал
Детей,
И вправду бешеный, быть может?»

Тогда немедля нужно отвезти
Искусанных к врачу!
Сейчас же лошадь
Запрячь!
Переловить собак и кошек
И всех держать пока что взаперти,
И к матери,
И к матери итти
Немедля,
Чтоб не быть чему поплоше.

Нас не осилив,
Наших матерей
Враги берут.
Но им не сладить с нами.
Мы все равно не станем сиротами,
Хотя бы и теряя матерей!»

И он распорядился, чтоб скорей
Везли ребят в больницу,

У дверей
Ружье поставил.
Длинными шагами

К Михайловой ограде зашагал.
За ним Валов пошел,
И старых двое...
Изба им показалась нежилою —
Какой-то трупный запах в ней стоял.
Огрены не было.
Сошли в подвал.
В сарай... Во двор...
Огрены след пропал.
Все оборачивалось к ним спиною.
На сеновал вошли —
И сеновал
Дохнул на них могильной тишиною.

Ужель ушла?
Василий по скобе
Взлез на чердак.
Ногой тряпье откинул,
Вгляделся в сумрак
И оторопел...

Она висела, как мешок мякины,
Не шевелясь,
Лицом к печной трубе,
Спиной натруженной
К родному сыну.

**
*

В избе под тяжестью пудовых ног
Со скрипом прогибались половицы.

Огрёну положили под божницу
И, отойдя, вздохнули,
Кто как мог.
Никто над прахом свечки не зажег,
И сухи были
И суровы лица.

На лавках,
На полу,
По всем углам
Валялись тряпки,
Битые стаканы,
Тарелки, полушалки, сарафаны...
Кому теперь он нужен,
Этот хлам?
Никто раскладывать по коробам
И надевать, носить его не станет.

Василий к матери щекой припал.
Все на него на одного смотрели!
Так постояв,
Он перешел к постели,
Сел на кровать, вздохнул
И снова встал.
О чем он думает?
Что скажет?
Вот он сжал,
Сдавил руками голову...
Устал?..

И словно сразу все помолодели,
Когда он, обмахнув ладонью лоб,
Спросил,
Отправлены ли в город дети,
И, попросив, чтоб сколотили гроб,
Сам к ним пошел.

На улицу.
На ветер.

Прощай, беспечность юности!
В наш дом
Имеют вход еще
Чужие люди,
И нас лишь враг
За нрав крутой осудит...
Василий опять встретится с врагом,
Но мягкости в его душе
Не будет.

С повети были сняты три доски.
Они давно готовые лежали.
Петр злился:
— Доски не Огрёну ждали!
И так рубил, вздымаясь на носки,
Что щепки выше головы взлетали.
— Отбилась баба от людей.
С тоски
И жизнь не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть схороним по-людски.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Ты навсегда любима:
Отзовись!
Поедем в Ухту,
В старое Блудново,
Там, верно, нынче что ни день —
Обнова.
Года
Прошли —
И не узнаешь жизнь.

В последний раз на мой велосипед,
На рев рожка
Сбежалось полдеревни,
От удивленья чуть не плакал дед,
Крича, на крыши залетали певни...

Опять подростков,
Ребятишек всех
С утра катать по очереди будем,
Но вряд ли прежний вызовем успех:
Теперь в селе
Велосипед не чудо.

Что ни колхоз —
Автомобиль и два,
Чуть не у каждого велосипеда.
Живет народ!..
Но что мои слова,

Увидеть надо.
Отзовись!
Поедем.

И патефон не чудо,
Ни бог весть...
Иголки, правда, есть еще не всюду,
Гвоздём дерут!
Но патефоны есть!
Хлеб, чорт возьми,
В амбарах наших
Есть!
А был бы хлеб,
Иголки тоже будут.

Теперь в деревне не ложатся спать,
Цветет горох,
Свивается капуста,
По лесу ходят шорохи и хрусты...
На сенокосе б снова побывать,
Сметать стог сена,
Ячменя пожать,
Чтоб в пояснице чувствовалась усталь.

Шесть месяцев
Там крутятся снега,
Два — грязь стоит:
К соседу нет прохода,
Перебираются по огородам,
Зато как оживает вся тайга,
Как просеки,
Малинники,
Луга
Добреют
В остальное время года.

И этот праздник надо заставить
От матери идут такие вести!..
Любовь моя!
Могу ль не тосковать?!.
Скажись!
Поедем!
Снова будем вместе.

*1937—38 гг.
Блудново — Москва.*

ЧИТАТЕЛИ

*Сообщите Ваш отзыв об этой книге,
указав Ваш возраст, профессию и адрес*

*Государственному издательству
„Художественная литература“*

Массовый сектор.

Москва, центр, ул. 25 Октября, 10/2.

Редактор *И. Уткин*, Техн. редактор *Л. Шишкова*
Художник *Г. Рифтин*, Корректор *Е. Мезис*.

Сдано в набор 19/XII 1983 г. Подписано в печать 22/V 1984 г.
Уд. о. л. о. м. о. ч. н. ый Главлита А-21197 Индекс Х-40 Я 96. Зак
из-ва № 31. Тираж 10000 экз. Формат бумаги 70 × 92¹/₄
2¹/₂ п. л. Авт. л. 3.31. Зак 2281 Цена 2 р 25 к.

17-я фабрика нац. книги Огиза РСФСР т-еста „Полиграфкнига“
Москва, Шлюзовая наб., дом № 10.

2 p. 25 к.

3

